

26 июля 1941 года я была призвана военкоматом и направлена на организацию госпитали в нашем городе. Помещение не было приспособлено для этих целей, нужно было начинать с нуля. А сроки сжатые: нам дали даже не месяц, а три недели, чтобы наш эвакуогоспиталь 1247 был готов к приему раненых (так называли тогда прибывающих раненых).

Работали мы по 12—15 часов, а иногда и целые сутки: вытисали из наших шефов все, что было необходимо. А нужно было многое: койки, постельное белье, матрацы, лижамы, нательное и медицинское белье, оборудование пищеблока, инструменты для операционной и перевязочной, лекарства.

Эвакогоспиталь мы развернули вовремя, до приезда эшелона с ранеными. И вот начали прибывать эшелонцы... Они шли до нас 2—3 месяца под бомбежками, фашисты не раз подрывали железнодорожные пути. Больные были похожи на труны: страшно истощены, морально подавлены, они плохо реагировали на наши вопросы. Принимали их большие сутки. Вначале мы, медки, устанавливали, а потом усталость куда-то отступала перед большой жалостью, которую мы чувствовали. Они были наши ровесники — от 20 до 25 лет — и это усиливало ненависть к врагу.

Да, мы были молоды и впервые видели жуткие картины, которые открывались нам при снятии гипсов и повязок: гнойные раны и в них черви, а тело и белье во янах. Да, это была жестокая правая война. Мы поражались терпению наших раненых, многие из нас плакали.

Мы, медки, были обязаны в короткий срок выдвигать бойцов, дать им калорийное питание, вывести из подавленного состояния. Кроме лечения и питания организовывали в госпитале художественную самодельность. Особенно хорошо нам помогали шефы, которые в палатах читали газеты, книги, пересказывали последние известия с фронта, писали письма родным ране-

ных, пели под гитару.

Медицинский персонал работал сутками и больше (у нас было казарменное положение), в выходных днях не думали, а об отпусках не было и речи. Надо сказать, и питание у нас было неважное: хлеба мы получали по 200 граммов на день, и только во второй половине 1942 года нам стали выдавать его 400 граммов. Мы были худы и бледны, синюшны, но несмотря на все невгоды, старались не хныкать, не терять бодрости духа. В палаты входили подвязанными, предельно вы-

•К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Я вспоминаю...

мательными, с улыбочкой. Все это поднимало моральный дух наших подопечных. Многих из них удивляла наша стойкость при таких чрезвычайных нагрузках.

Да, уважаемые читатели, нагрузка была для нас чрезмерная. Если сейчас во всех больницах есть каталки, кресла-коляски, электролифты, на которых больных поднимают на лечение, в лаборатории, то нам приходилось пользоваться носилками. Мы укладывали на них раненых и несли в перевязочную или физиотделение. А потом после лечения, перевязок несли обратно по лестничным маршрутам в 2—3 этажа. А это было бы под силу двум здоровым мужчинам! И так каждый день и не один год...

Питание для раненых было хорошим: мясо, молочные продукты, вино, сливочное масло, яйца, шоколад, овонци и фрукты. Хлеб им не ограничивали. Больные хорошоправлялись, набирали вес, раны и переломы заживали. При госпитале был организован батальон выхаживающих, их готовили к отправке на фронт. Для них был определен режим дня и особое питание, они усердно занима-

лись гимнастикой, лыжами. Поскольку до войны я занималась спортом, то мне поручено было тренировать раненых ходьбой на лыжах за городом.

После санитарной обработки при приеме, накормив, раненых клали по койкам. И в госпитале наступала такая тишина, просто странно было: как будто все вокруг вымерло. Эвакогоспиталь снал сутками. Через 2—3 суток палаты были неузнаваемы: где-то играли на губной гармонике, кто-то играл на баяне, гитаре, а кто просто рассказывал байки, и вокруг стоял оглушительный хохот. Даже не верилось, что наши больные оживли.

Уход, лечение, питание, молодость брали свое. Выхаживающих выписывали — кого на фронт, кого домой в отпуск, кого на инвалидность. А эшелонцы к нам шли и шли... И мы снова видели горе, искалеченных бойцов — и снова повторялось все сначала.

1 июля 1944 года наш эвакуогоспиталь 1247 отбыл во Львов, а я вернулась на советское рабочее место — заведующей здравпунктом на КМК, где и проработала до пенсии.

А. САВЧЕНКО,

(дом. телефон 46-10-68).